

На правах рукописи

Стройков Сергей Петрович
МНОГОВЕКТОРНОСТЬ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ УЗБЕКИСТАНА
В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (2016 — 2025 гг.)

Специальность 5.5.4 - Международные отношения, глобальные и
региональные исследования

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени

кандидата политических наук

Москва — 2026

Работа выполнена на кафедре сравнительной политологии факультета гуманитарных социальных наук Федерального государственного автономного учреждения высшего образования «Российской университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы».

Научный руководитель: **Казаринова Дарья Борисовна**, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии Федерального государственного автономного учреждения высшего образования «Российской университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Официальные оппоненты: **Малышева Дина Борисовна**, доктор политических наук, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук», главный научный сотрудник Центра постсоветских исследований сектора Центральной Азии.

Дадабаева Зарина Абдурахмановна, доктор политических наук, кандидат исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт экономики Российской академии наук», ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения РАН

Защита состоится «21» апреля 2026 г. в 10:00 часов на заседании Диссертационного совета ПДС 1000.007 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2, ауд. 415.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться:

1. На сайте Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы:
2. В информационно-научном библиотечном центре (Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Автореферат размещен на сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации:

Автореферат разослан «_» _____ 2026г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
ПДС 1000.007 по политическим наукам.

Казаринова Д. Б

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена глубокими трансформациями современной международной системы: окончательным отходом от однополярной модели и становлением многополярной архитектуры мира. Конкуренция между США, КНР и Россией формирует новую стратегическую реальность, в которой государства средней и малой мощи вынуждены адаптировать внешнюю политику к условиям повышенной неопределённости, всё активнее прибегая к многовекторным стратегиям для сохранения автономии и экономической устойчивости.

Лидеры ведущих держав фиксируют этот переход концептуально. В. В. Путин на саммите ШОС в Астане (2024) констатировал формирование «подлинно многополярного мира»¹, Си Цзиньпин на самаркандском саммите (2022) призвал страны Азии стать «опорой глобальной стабильности»². Американская Стратегия национальной безопасности,³ в свою очередь, отвергает «концепцию глобального доминирования». Этот трёхсторонний консенсус расширяет пространство для самостоятельной дипломатии средних государств, к числу которых принадлежит Узбекистан.

Республика, расположенная в центре Евразийского континента, с 2016 года проводит политику «открытого Узбекистана»,⁴ сочетая углубление региональных связей с сохранением внешнеполитической независимости. В условиях конкуренции китайского проекта «Один пояс — один путь», российской линии евразийской интеграции и американской платформы C5+1 многовекторность становится не просто дипломатическим курсом, но

---

¹ Путин В. В. Выступление на заседании Совета глав государств – членов ШОС [Электронный ресурс] // Кремль. – 2024. – Режим доступа: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/74467> (дата обращения: 04.10.2025).

² Xi Jinping. Full Text of Speech at the 22nd Meeting of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization [Электронный ресурс]. – 2022. – Official translation on Xinhua Net. – Режим доступа: <https://english.news.cn/20220916/xi-speech-sco.htm> (дата обращения: 04.10.2025).

³ National Security Strategy of the United States of America. — Washington, DC: The White House, November 2025. — 33 p.

⁴ Mirziyoyev Sh. Speech at the 78th Session of the UN General Assembly [Электронный ресурс]. – 19 September 2023. – Официальный сайт Президента Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://president.uz/en/lists/view/6823> (дата обращения: 04.10.2025).

системообразующим принципом, обеспечивающим приток инвестиций, технологий и торговых возможностей. Экономическая статистика подтверждает этот прагматизм: Россия, Китай и Южная Корея входят в тройку крупнейших торговых партнёров страны, а объём денежных переводов из России в 2023 году достиг 14,5 млрд долларов США⁵.

Особым аналитическим измерением исследования выступает цифровая медиасреда. Русскоязычный сегмент Telegram в Узбекистане представляет собой селективную платформу, аудитория которой концентрируется среди социально активного городского населения, управленческих, экспертных и медиапрофессиональных сообществ. Русскоязычие здесь функционирует не как этнокультурный маркер, а как инструмент межэлитного взаимодействия и трансляции внешнеполитических интерпретаций в транснациональном постсоветском пространстве. Соответственно, Telegram рассматривается в настоящем исследовании не как индикатор массового общественного мнения, а как аналитический источник, фиксирующий логику медиарепрезентации внешнеполитического курса в институционально вовлечённой среде.

Таким образом, исследование многовекторности внешней политики Узбекистана обладает как академическим, так и прикладным значением: оно позволяет выявить закономерности поведения государства в условиях глобальной турбулентности, раскрыть механизмы сохранения автономии малых и средних держав и оценить роль цифровой среды в поддержании внешнеполитических стратегий — что в совокупности определяет научную значимость избранной темы.

Степень разработанности темы. Проблематика многовекторности во внешнеполитическом курсе Узбекистана в постсоветский период пока не получила достаточного освещения в современной научной литературе и остается исследованной лишь фрагментарно.

---

⁵ Валютные переводы из России упали почти в два раза в 2023 году [Электронный ресурс] // РБК. – 2024. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/08/02/2024/65c4dd289a7947f29a88caf2> (дата обращения: 04.10.2025).

В современной теории международных отношений распределение власти в системе рассматривается как ключевой структурный фактор, определяющий устойчивость мирового порядка и характер взаимодействия государств. В рамках реалистской традиции баланс сил интерпретируется как базовый механизм ограничения доминирования, при этом в неореалистской версии К. Уолтца акцент делается на структурных параметрах системы⁶, тогда как в наступательном реализме Дж. Миршаймера подчеркивается стремление государств к максимизации мощи⁷.

К. Лейн анализирует перспективы постгегемонического порядка и рост числа центров силы⁸, тогда как Г. Аллисон фокусируется на структурной динамике соперничества восходящих и доминирующих держав⁹. С. Уолт связывает кризис внешнеполитической стратегии США с ограниченностью универсалистских подходов¹⁰, что коррелирует с аргументацией Дж. Миршаймера о сохраняющейся объяснительной силе реализма для анализа современных международных процессов¹¹.

Отдельное направление литературы посвящено стратегиям малых государств. Р. Кеохан¹² и П. Катценштейн¹³ подчеркивают значение международных институтов, альянсов и дипломатических механизмов как инструментов снижения уязвимости таких акторов. Дж. Най акцентирует роль нематериальных ресурсов и «мягкой силы» во внешнеполитическом влиянии¹⁴, тогда как Б. Позен обосновывает стратегию сдержанности,

---

⁶ Waltz K. N. *Theory of International Politics*. – Reading, Mass.: Addison-Wesley Pub. Co., 1979. – 251 p.

⁷ Mearsheimer J. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. – New Haven: Yale University Press, 2018. – 324 p.

⁸ Layne C. *After the Fall: International Politics in a Post-Hegemonic World*. – New Haven: Yale University Press, 2023. – 212 p.

⁹ Allison G. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2017. – 384 p.

¹⁰ Walt S. *The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy*. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018. – 400 p.

¹¹ Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. – New York: W.W. Norton, 2001. – 160 p.

¹² Кеохейн Р. После гегемонии: сотрудничество и разногласия в мировой политике. – М.: Логос, 2010. – 368 с.

¹³ Katzenstein P. J. *Small States in World Markets: Industrial Policy in Europe*. – Ithaca: Cornell University Press, 1985. – 280 p.

¹⁴ Най, Д. В. Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике / Д. В. Най. — М.: Издательство Весь Мир, 2007. — 304 с.

предполагающую ограничение военного вмешательства и пересмотр роли великих держав в глобальной системе безопасности¹⁵.

В российской литературе нейтралитет и многовекторность часто рассматриваются как взаимодополняющие концепции. Например, А.Э. Безруков, К.А. Иванов и Е.С. Чимирис¹⁶ анализируют столкновение интересов внешних акторов в Центральной Азии. Г.В. Коваленко¹⁷ рассматривает многовекторность как способ реализации нейтралитета в условиях геополитической конкуренции.

Особое внимание уделяется теоретическим параметрам многовекторности в работе Д.А. Дегтярева, И.П. Василюк и В.В. Баум¹⁸, которые предлагают прикладной анализ многовекторности внешней политики стран СНГ. Важное концептуальное осмысление представлено в исследовании В.И. Мгалоблишвили¹⁹, где многовекторность рассматривается как специфическая черта внешней политики современных государств. Зарубежный вклад в исследование многовекторности сделан Р. Швеллером²⁰, который изучает феномен «bandwagoning»²¹ для понимания стратегий государств, стремящихся к максимизации выгоды.

В англоязычной научной литературе наблюдается заметное углубление теоретического и эмпирического осмысления многовекторности и близких к ней стратегий внешней политики. Существенный вклад в концептуализацию смежного феномена хеджирования вносит И. Гонсалес-Пухол, который

---

¹⁵ Posen V. *Restraint: A New Foundation for U.S. Grand Strategy*. – Ithaca: Cornell University Press, 2014. – 256 p.

¹⁶ Безруков А. Э., Иванов К. А., Чимирис Е. С. Интеграционные процессы в Центральной Азии: столкновение интересов внешних акторов // Гуманитарные науки. – Вестник Финансового университета. – 2021. – № 3. – С. 62-70.

¹⁷ Коваленко Г.В. «Многовекторность» во внешней политике государств Центральной Азии // Вестник Таджикского национального университета. – 2019. - № 1. – С. 75-79.

¹⁸ Дегтярев Д.А., Василюк И.П., Баум В.В. Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. - № 1. – С. 63-75.

¹⁹ Мгалоблишвили В.И. Многовекторность как специфическая черта внешней политики современных государств // Наука третьего тысячелетия. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – 2016. – Ч. 4. – С. 128-132.

²⁰ Schweller R. *Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In* // *International Security*. 1994. – N. 19 (1). – P. 72–107.

²¹ Bandwagoning (от англ. to bandwagon — «примкнуть к победителю») — концепт реалистской школы международных отношений, описывающий поведение государства, которое, стремясь снизить угрозы или извлечь выгоду, присоединяется к более могущественному актору вместо того, чтобы формировать коалицию против него. В научной литературе противопоставляется стратегии балансирования (balancing).

рассматривает его как комплексную стратегию управления национальными интересами в условиях неопределенности международного распределения силы²².

Эмпирическое развитие данных подходов прослеживается в исследованиях, посвященных Казахстану. Н. Нышанбаев и соавторы анализируют эволюцию казахстанской многовекторной политики в условиях трансформации глобального порядка²³.

Д. Нифи помещает многовекторность Казахстана в рамки формирующегося мультиплексного мирового порядка, акцентируя возрастающее значение Европейского союза как дополнительного внешнего вектора в Центральной Азии²⁴. Секторальные ограничения многовекторности выявляет С. Курц²⁵, демонстрируя противоречие между декларируемой диверсификацией внешних связей и практиками оборонной индустриализации и военно-технического сотрудничества.

Теоретико-методологическое углубление анализа предложено С. Уиллардсоном и А. Карибаевой²⁶, которые интерпретируют многовекторность через призму ролевой социализации, рассматривая ее как устойчивую внешнеполитическую роль, воспроизводимую в процессе взаимодействия с ключевыми международными акторами.

Исследования многовекторности на постсоветском пространстве фокусируются на геополитических стратегиях стран региона²⁷. В работах Э.Г.

---

²² Gonzalez-Pujol, I. Theorising the Hedging Strategy: National Interests, Objectives, and Mixed Foreign Policy Instruments / I. Gonzalez-Pujol // *All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace*. – 2024. – Vol. 13, № 2. – P. 193–214. – DOI: 10.20991/allazimuth.1480020.

²³ Nyshanbayev, N. The Republic of Kazakhstan's multi-vector foreign policy / N. Nyshanbayev, K. Bekov, Z. Baizakova, A. Amangeldy // *New Perspectives*. – 2025. – DOI: 10.1177/2336825X241308432

²⁴ Neafie, J. The Rising Multiplex World Order and Regional Order in Central Asia: a case study of the Emerging Role of the EU and its implications for Kazakhstan's Multivector foreign policy / J. Neafie, M. Amanbaiuly, A. Akhmer // *Economic Diplomacy*. – 2025. – Vol. 3, № 1. – P. 41–51. – DOI: 10.2478/ecdip-2025-0003.

²⁵ Kurc, Ç. The puzzle: Multi-vector foreign policy and defense industrialization in Central Asia / Ç. Kurc // *Comparative Strategy*. – 2018. – Vol. 37, № 4. – P. 316–330. – DOI: 10.1080/01495933.2018.1497352.

²⁶ Willardson, S. L. Role socialization: Kazakhstan and the nature of the multivector foreign policy role / S. L. Willardson, A. Karibayeva // *International Politics*. – 2025. – DOI: 10.1057/s41311-025-00718-5.

²⁷ Постсоветские государства на современном этапе: внутривосточная динамика и поиск путей развития / отв. ред. Э. Г. Соловьев. – М.: ИМЭМО РАН, 2024. – 209 с.

Соловьёва и Г.И. Чуфрина²⁸ обсуждаются новые тренды многовекторности. Диссертация Ф.А. Ахмедова²⁹ рассматривает Центральную Азию как арену соперничества глобальных акторов, что требует гибкой внешнеполитической стратегии.

На примере Казахстана и Беларуси общие черты многовекторных стратегий анализируются в работах М. Чавассе³⁰ и Г. Бехрендса³¹. Внешнеполитическая эволюция Беларуси после начала СВО рассматривается Н.М. Сергеевым и Г.Ю. Волковым³², тогда как институциональные особенности многовекторной политики республики изучаются Н.М. Межевичем и В.В. Шимовым³³.

Интеграционные процессы и развитие российско-узбекских отношений анализируются Н.Н. Абдуганиевым³⁴ и Х.Т. Ахмедовым³⁵, а международная позиция Узбекистана в системе региональных и глобальных взаимодействий — О. Мадиевым³⁶. Политика администрации Шавката Мирзиёева и её роль в формировании устойчивой региональной архитектуры рассматривается в работах Д.А. Борисова³⁷ и С.А. Жураева³⁸.

---

²⁸ Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы. / отв. ред. Э.Г. Соловьёв, Г.И. Чуфрин. Москва: ИМЭМО РАН, 2020. - 276 с.

²⁹ Ахмедов Ф. А. Центральноазиатский регион в фокусе геополитических интересов глобальных акторов (на примере РФ, КНР и США): автореф. дис. канд. полит. наук: 23.00.04 / Ф. А. Ахмедов; Институт международных отношений и международного права. – Ташкент, 2022.

³⁰ Chavasse M. The International Dimensions of Kazakhstan's Alphabet Shift. A Study of Kazakh Multi-Vectorism in the 2010s: MA Thesis in International Relations in Historical Perspective / M. Chavasse. – Faculty of Humanities, Universiteit Utrecht, 2019. – 102 p.

³¹ Behrends H. Multi-Vectorism in Belarusian Foreign Policy: MA Thesis / H. Behrends. – Charles University in Prague, 2016. – 69 p.

³² Сергеев Н. М., Волков Г. Ю. Республика Беларусь и Специальная военная операция // Постсоветский материк. – 2023. – № 2 (38). – 27-45.

³³ Межевич Н. М., Шимов В. В. Концепция многовекторности в системе внешнеполитических практик Средней страны (на примере Беларуси) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2022. – № 15(4). – 436-450.

³⁴ Абдуганиев Н.Н. Дружба народов как исторически сложившийся фактор развития современных межгосударственных связей России и Узбекистана // Россия и мир: научный диалог. - 2022. - № 4. - С. 138-157.

³⁵ Ахмедов Х.Т. Республика Узбекистан в интеграционных процессах на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. - 2019. - Т. 2. - № 1. - С. 854-865.

³⁶ Madiyev O. Uzbekistan's International Relations. – London; New York: Routledge, 2021. – 241 p.

³⁷ Борисов Д. А. Внешняя политика Узбекистана при Ш. Мирзиёеве: стратегия и практика // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2019. – Т. 14. – № 2. – С. 130-139.

³⁸ Жураев С.А. Новый этап региональной политики Узбекистана // International journal of Consensus. - 2020. - Т. 1. - № 4. - С. 4-11.

Многовекторная политика Армении и Азербайджана рассматривается А.Х. Хайрунисом³⁹, тогда как азербайджано-турецкое стратегическое взаимодействие подробно анализируется Е. Исмаиловым⁴⁰. Перспективы экономической интеграции Узбекистана с ЕАЭС, а также связанные с этим выгоды и ограничения, исследуются Е. Винокуровым, Т. Цукаревым и А. Ахунбаевым⁴¹.

Отношения России и Центральной Азии анализируются в работах З.С. Адьяевой⁴², Б.Х. Алимова, П.О. Сеницыной и М.Н. Мирзаахмедова⁴³, а также А.В. Грозина⁴⁴ и Д.А. Дмитриевой⁴⁵. Состояние и перспективы российско-узбекских отношений рассматриваются Д.А. Борисовым, Е.В. Савкович и В.И. Татаренко⁴⁶, вопросы таможенного и институционального сотрудничества — Р.Х. Мадалиевой, Н.А. Абдусамедовым, Б.М. Мардоновым⁴⁷ и Ш.Ш. Зоировым⁴⁸. Стратегическое партнёрство Узбекистана с Россией анализируется Д.Б. Малышевой⁴⁹.

---

³⁹ Хайруниса А. Х. Идентичность и внешняя политика: поддержка Турцией Азербайджана в нагорно-карабахском конфликте // Сборник трудов 1-й Междун ародной конференции по современным исследованиям рисков (ICONIC-RS 2022), 31 марта – 1 апреля 2022 г., Южная Джакарта, DKI Джакарта, Индонезия. – EAI, 2022. – DOI: 10.4108/eai.31-3-2022.2320955.

⁴⁰ Ismayilov E., Zasztowt K. Turkish-Azerbaijani Relations: One Nation – Two States [Электронный ресурс] // Academia.edu. – 2015. – Режим доступа: https://www.academia.edu/25825732/Turkish_Azerbaijani_Relations_One_Nation_Two_States (дата обращения: 13.03.2025).

⁴¹ Винокуров Е., Цукарев Т., Ахунбаев А. и др. Узбекистан и ЕАЭС: перспективы и потенциальные эффекты экономической интеграции // Доклады и рабочие документы. Москва: Евразийский банк развития, 2021. – № 21 (2). – 74 с.

⁴² Адьяева З.С. Россия и Центральная Азия: проблемы взаимоотношений // Символ науки. - 2019. - №2. – С. 104-107.

⁴³ Алимов Б. Х., Сеницына П. О., Мирзаахмедов М. Н. Отношения России и Узбекистана в сфере энергетики на современном этапе // Endless Light in Science. – 2023. – С. 593–598.

⁴⁴ Грозин А. В. Республика Узбекистан в системе российских интересов в Центральной Азии // Постсоветский материк. – 2023. – № 3 (39). – С. 4-26.

⁴⁵ Дмитриева Д. А. Интересы России и Китая в Центральной Азии // Россия в глобальном мире. – 2021. – №20 (43). – С. 20-28.

⁴⁶ Борисов Д. А., Савкович Е. В., Татаренко В. И. Инициатива «пояс и путь» в Центральной Азии: национальный эгоизм против региональной кооперации // Sciences of Europe. – 2022. – №108. – С. 32-37.

⁴⁷ Мадалиева Р. Х., Абдусамедов Н. А., Мардонов Б. М. Международное таможенное сотрудничество Узбекистана в рамках интеграционных процессов Содружества Независимых Государств // Вестник Российской таможенной академии. – 2020. – № 2. – С. 128-135

⁴⁸ Зоиров Ш.Ш. Экономическое сотрудничество Республики Узбекистан и Российской Федерации в рамках евразийских интеграционных процессов // Бизнес и общество. - 2023. - № 1. – С.1-9.

⁴⁹ Малышева Д. Б. Партнёрство России и Узбекистана // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2021. – № 2. – С. 121-131

Региональное измерение многовекторности в Центральной Азии раскрывается в работах Е.Г. Гарбузаровой⁵⁰ и А.Х. Алиджановой⁵¹, а также в исследованиях Р.К. Алимова⁵². Китайский фактор в Центральной Азии анализируется Н.П. Воловик⁵³, Д.Б. Малышевой⁵⁴, а вопросы мягкой силы Китая рассматриваются Е.В. Махмутовой⁵⁵.

Афганский вектор внешней политики Узбекистана и его значение для региональной безопасности исследуется С.Т. Мирзоевым⁵⁶, Н.Д. Саженовым⁵⁷ и А.А. Князевым. Международно-правовые аспекты экономического сотрудничества Узбекистана и Афганистана анализирует И.Р. Ерниязов⁵⁸, тогда как региональные вызовы безопасности после возвращения талибов к власти рассматриваются А.Э. Джоробековой, Е.Ф. Троицким и С.М. Юном⁵⁹.

Взаимодействие с Южной Кореей анализируется Ф. Хакимовым, Д. Ли⁶⁰ и Н. Стианом⁶¹. Политика США в Центральной Азии и её влияние на

---

⁵⁰ Гарбузарова Е. Г. Центральная Азия в условиях трансформации мирового порядка: автореф. дис. д-ра полит. наук: 05.2.001.01 / Е. Г. Гарбузарова; ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации». – М., 2022. – 63 с.

⁵¹ Алиджанова А. Х. Модели межрегиональных отношений в современной мировой политике (на примере Центральной Азии) // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2022. – № 5-1. – С. 24-25.

⁵² Алимов Р.К. Центральная Азия - регион сотрудничества, а не соперничества // Обозреватель - Observer. - 2020. - №10 (369). – С. 5-20.

⁵³ Воловик Н.П. Страны Центральной Азии укрепляют сотрудничество с Китаем // Экономическое развитие России. - 2023. - Т. 30. - № 5. - С. 37-50.

⁵⁴ Малышева Д.Б. Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая // Мировая экономика и международные отношения. - 2019. - Т. 63. - № 5. - С. 101-108.

⁵⁵ Махмутова Е.В. Китайская «мягкая сила» в Центральной Азии: перспективы и ограничители // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. - 2022. - №27. – С. 268-281

⁵⁶ Мирзоев С.Т. Афганистан во внешней политике Республики Узбекистан // Вестник Педагогического университета. - 2019. - № 2 (79). - С. 278-284.

⁵⁷ Саженов Н.Д. О деятельности Узбекистана по урегулированию афганского конфликта (2017–2019 гг.) // Уральское востоковедение: международный альманах. - 2020. - № 10. - С. 14-26.

⁵⁸ Ерниязов И.Р. Международно-правовые вопросы экономического сотрудничества Республики Узбекистан и Исламской Республики Афганистан // Вестник науки и образования. - 2019. - № 21-1 (75). - С. 81-86.

⁵⁹ Джоробекова А.Э., Троицкий Е.Ф., Юн С.М., Тимошенко А.Г. Региональная безопасность в Центральной Азии в условиях возвращения талибов к власти: вызовы и угрозы, сценарии развития // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. - 2023. - №3. – С. 187-196.

⁶⁰ Khakimov F. South Asian Region in the Foreign Policy Strategy of Uzbekistan // Strategy of Uzbekistan. - 2021. - №1. – P. 66-71.

⁶¹ Kim J. H., Lee S. Y. Korean Wave in Uzbekistan: Its Popularity and Strategy for Sustainability [Электронный ресурс] // Advanced Science Letters. – 2016. – Vol. 22, № 11. – P. 2751-2763. – Режим доступа: <https://www.ingentaconnect.com/contentone/asp/asl/2016/00000022/00000011/art00107?crawler=true&mimetype=application%2Fpdf> (дата обращения: 16.03.2025).

регион рассматривается в работах Е.Г. Гарбузаровой⁶², С.В. Кислицына⁶³, О.З. Кенжаева⁶⁴, С.Ш. Садыкова⁶⁵, С.Г. Лузянина⁶⁶ и Н.О. Бабушок⁶⁷.

К анализу политического пространства Telegram в Узбекистане обращается С.П. Стройков⁶⁸, а также О. Каримов⁶⁹, А. Быков⁷⁰, М.К. Темирова⁷¹, Д. Убайдуллаева⁷².

В целом, существующие аналитические материалы в большей степени сосредоточены на конкретных вопросах, таких как внешняя политика Республики Узбекистан на конкретном этапе, вопросы региональной безопасности или взаимоотношения Узбекистана с одной или несколькими странами региона. Отсутствие целостной перспективы политики многовекторности делает анализ развития Узбекистана и его внешней политики неполным. Этой проблеме посвящено настоящее диссертационное исследование.

Объект: внешняя политика Республики Узбекистан с момента обретения независимости.

Предмет: политика многовекторности во внешней политике Республики Узбекистан на современном этапе.

---

⁶² Гарбузарова Е.Г. Приоритеты внешней политики Д. Трампа в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. - 2020. - № 455. – С. 97-103.

⁶³ Кислицын С.В. Современные проблемы «большой стратегии» во внешней политике США // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. - 2020. - №4. – С. 27-39.

⁶⁴ Кенжаев О.З. Взаимодействие США с Узбекистаном 2001-2005 гг // Постсоветские исследования. - 2021. - Т. 4. - № 1. - С. 76-87.

⁶⁵ Садыков С.Ш. Отношения Узбекистана и США в 2016-2021 годах // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. - 2023. - Т. 3. - № 3. - С. 308-312.

⁶⁶ Лузянин С.Г. Россия - США - Китай: борьба за «Большую Евразию» // Обозреватель - Observer. - 2020. - №11 (370). – С. 51-63.

⁶⁷ Бабушок Н. О. Идеиные основания внешней политики США // Век глобализации. – 2022. – № 3 (43). – С. 87-96.

⁶⁸ Стройков С. П. Анализ экосистемы политического Telegram-пространства Республики Узбекистан // Вестник Поволжского института управления. – 2025. – № 1. – С. 26-34.

⁶⁹ Karimov O., Kim H. Factors of UTAUT affecting the use behavior based on Telegram application in Uzbekistan //Asia-Pacific Journal of Multimedia Services Convergent with Art, Humanities, and Sociology. – 2017. – Т. 7. – №. 12. – С. 831-840.

⁷⁰ Bykov, A. (2024). Religious Topics in Central Asian Secular Telegram Channels. Politics and Religion Journal, 18(2), 313–337. <https://doi.org/10.54561/prj1802313b>

⁷¹ Temirova M. K. The Internet Language of Uzbekistan: Between Tradition and Innovation //Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture. – 2026. – Т. 7. – №. 1. – С. 185-188.

⁷² Ubaydullaeva D. Student online protests in Uzbekistan: democratization of higher education as concomitant to the COVID-19 crisis? //Central Asian Survey. – 2021. – Т. 40. – №. 3. – С. 382-399.

Цель диссертационного исследования — рассмотреть принципы, механизмы и практики реализации многовекторной политики Республики Узбекистан во взаимодействии с ключевыми государствами в регионе, глобальными и региональными державами для выявления закономерностей её функционирования в условиях геополитической турбулентности и оценки её роли в обеспечении национальной политики.

Исходя из цели, были поставлены следующие **задачи**:

1. Проанализировать теоретические подходы к определению термина «многовекторность» и осуществить концептуальный анализ терминов «многовекторность», «мультивекторность», «унивекторизм», «многосторонность» и «комплиментаризм» с целью выявления их содержательных различий и уточнения границ применения в рамках исследования.

2. Операционализировать ключевое понятие диссертационного исследования — «многовекторная внешняя политика» и применить разработанный подход к анализу внешней политики Республики Узбекистан.

3. Исследовать современные примеры реализации многовекторной политики в постсоветских государствах, выявить ключевые направления и особенности этой политики.

4. Исследовать динамику и современный характер отношений Узбекистана с Российской Федерацией, включая аспекты стратегического партнерства и добрососедства.

5. Рассмотреть развитие внешнеполитических связей Узбекистана со странами Центральной Азии (Казахстан, Туркменистан, Кыргызстан, Таджикистан), а также с Китаем, Южной Кореей и Афганистаном.

6. Оценить характер взаимодействия Узбекистана с США, включая стратегические интересы и направления политического и экономического партнерства.

7. Предложить сценарии развития внешней политики Узбекистана в контексте укрепления добрососедских отношений и торговых связей с

азиатскими странами (страны Центральной Азии, Афганистан, Китай и Южная Корея).

8. Выявить и концептуализировать специфику медиарепрезентации внешнеполитического курса Узбекистана в русскоязычном цифровом пространстве на примере Telegram, установив соотношение между фактической многовекторностью внешней политики государства и структурой информационных приоритетов в медиасреде

Методологические основы исследования. В качестве основных методов исследования были использованы такие методологические подходы как: сравнительный нормативно-правовой, системный исторический, контент-анализ какой?

Сравнительный анализ был использован для сравнения опыта различных стран в аспекте реализации принципа многовекторности во внешней политике, а также отражения этих принципов в государственной политике. Также с помощью данного метода были рассмотрены различия между интересами различных групп в сфере политики многовекторности.

Нормативно-правовой анализ был использован для рассмотрения нормативных правовых актов, регулирующих внешнюю политику Узбекистана в рамках реализации принципа многовекторности, а также взаимодействие государства и иных акторов в данном направлении.

Системный подход был использован для представления многовекторности как единой системы, являющейся частью более обширной системы внешней политики Узбекистана. Данный подход позволил рассмотреть как отношения внутри системы, так и ее отношение с другими системами, в частности, с системой государственного управления и регулирования. В контексте изучения многовекторной внешней политики Узбекистана системный подход приобретает особую эвристическую ценность. Республика, расположенная на пересечении геополитических интересов ведущих держав и интеграционных блоков (таких как Россия, Китай, США, Турция, Европейский союз), реализует стратегию,

направленную на поддержание баланса между внешними центрами силы при сохранении максимальной степени автономии и манёвренности. С точки зрения системного анализа, такая политика может быть интерпретирована как адаптивная стратегия в условиях нестабильной и полицентричной международной системы, где узбекское руководство стремится минимизировать внешние зависимости, избегать жёсткой привязки к какому-либо одному блоку и одновременно извлекать выгоды из сотрудничества с несколькими сторонами.

Исторический анализ был использован для исследования опыта реализации принципа многовекторности во внешней политике как Республики Узбекистан, так и других государств.

Количественный контент-анализ был использован для рассмотрения ключевых документов по теме исследования с точки зрения их содержательности и присутствующих в них смысловых коннотаций в медиапространстве Telegram-каналов Узбекистана.

Эмпирическая база представлена следующими группами источников:

- нормативно-правовые акты⁷³, регламентирующие внешнюю политику Узбекистана и отношения с отдельными странами;
- заявления официальных лиц⁷⁴, позволяющие сопоставить цели и задачи во внешней политике Узбекистана относительно других стран;
- статистические данные⁷⁵;
- агрегаторы Telegram-каналов⁷⁶.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем:

---

⁷³ Внешняя политика Республики Узбекистан [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://mfa.uz/ru/pages/vneshnyaya-politika> (дата обращения: 20.05.2024).

⁷⁴ Совместное заявление по итогам заседания Межгосударственного совета ЕАЭС и саммита СНГ [Электронный ресурс] // Кремль. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5839> (дата обращения: 13.03.2025).

⁷⁵ World Trade Data [Электронный ресурс] // Observatory of Economic Complexity. – Режим доступа: <https://oec.world/en/profile/world/wld> (дата обращения: 16.06.2024).

⁷⁶ Сервис аналитики Telegram-каналов [Электронный ресурс] // TGStat. – Режим доступа: <https://tgstat.ru> (дата обращения: 16.06.2024).

1. Установлено, что в постсоветский период многовекторность внешней политики Республики Узбекистан тесно сопряжена с прагматизмом, что выражается в последовательном стремлении к рациональному выбору международных партнеров и форм сотрудничества, исходя из приоритета национальных интересов.
2. На основе интеграции реалистического подхода разработана авторская интерпретация *многовекторности как гибридной стратегии внешнеполитического маневрирования, сочетающей рациональное балансирование интересов с конструированием внешнеполитической идентичности Узбекистана* как нейтрального, но активного участника международных процессов.
3. На основе систематизации количественных данных по частоте упоминания стран-партнеров в русскоязычном сегменте Telegram установлено, что в медиарепрезентации внешнеполитического курса Узбекистана доминирующее место занимает Россия. При этом, в 2024 году 9,7% аудитории Telegram это русскоязычные пользователи — это 2,4 млн. пользователей. Это же указывает на специфику цифрового пространства, где информационные приоритеты формируются не столько объективными изменениями во внешнеполитическом курсе, сколько особенностями русскоязычной медиасреды.
4. Сформулированы сценарии дальнейшего развития внешнеполитического курса Республики Узбекистан в условиях конкуренции между Россией, США и Китаем за влияние в регионе, а также усиления региональной интеграции в Центральной Азии (углубление региональной консолидации со странами Центральной Азии, развитие партнёрства с Китаем при сохранении многовекторности, сохранение статус-кво в отношениях с Россией и США).
5. На примере эволюции российско-узбекских отношений обосновано смещение от парадигмы «стратегической зависимости» к модели

«условного партнёрства», при которой сохраняется высокий уровень экономического взаимодействия при нарастающем стремлении Узбекистана к внешнеполитической самодостаточности.

- б. Автором выявлены структурные ограничения многовекторной стратегии Узбекистана: невозможность институционального углубления отношений с акторами, обладающими противоречивыми интересами, и рост транзакционных издержек, обусловленных необходимостью постоянной переоценки приоритетов в условиях внешнеполитической турбулентности.

Гипотеза исследования — многовекторная внешняя политика Республики Узбекистан, будучи институционально ориентированной на диверсификацию внешнеполитических и внешнеэкономических связей, в действительности реализуется неравномерно на различных уровнях — экономическом, политико-дипломатическом и медийном. Предполагается, что при объективном росте экономической взаимозависимости и инфраструктурной связанности Узбекистана с Китайской Народной Республикой, в общественном и медийном восприятии внешнеполитического курса продолжает доминировать российское направление, что обусловлено культурно-историческими, лингвистическими и коммуникационными факторами, прежде всего сохранением русскоязычной медийной среды. Данное расхождение между фактической структурой внешних связей и их медийной репрезентацией формирует внутреннее противоречие многовекторной политики и позволяет предположить, что ее результативность определяется не только способностью государства балансировать между конкурирующими центрами силы, но и степенью согласованности внешнеполитической практики с логикой информационного пространства.

Теоретическая значимость диссертации заключается в следующем: Автором предпринят концептуальный анализ многовекторности внешней политики Республики Узбекистан в период с 2016 по 2025 гг. в контексте

динамично меняющейся геополитической ситуации, связанной с конкуренцией крупных международных акторов.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении и дополнении концептуальных подходов к изучению многовекторности как особого типа внешнеполитической стратегии государства. В диссертации раскрывается сущность понятия «мультивекторность» через противопоставление универсального балансирования (one-size-fits-all balancing) такому понятию, как стратегическое присоединение (bandwagoning), что позволяет глубже осмыслить механизмы формирования и реализации внешнеполитических приоритетов государств Центральной Азии. Автором обосновывается идея о том, что страны, придерживающиеся мультивекторного подхода, ориентированы на развитие альянсов и партнерских связей на основе собственных стратегических приоритетов, что обеспечивает им возможность снижать транзакционные издержки, повышать экономическую эффективность взаимодействия и формировать устойчивые двусторонние отношения. В результате исследования вводится и раскрывается тезис о том, что многовекторность не сводится исключительно к общей политике многосторонности и балансирования интересов, но представляет собой формирование многочисленных стратегических альянсов с партнерами, имеющими разные и подчас противоречивые интересы.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы современными российскими политическими деятелями, государственными служащими, лицами, принимающими государственные решения с целью совершенствования взаимодействия с Республикой Узбекистан в мировой политике. Также результаты исследования будут полезны представителям бизнеса, который занимается торговлей с Узбекистаном, поскольку они позволят найти оптимальные форматы взаимодействия с представителями государства. Помимо этого, результаты исследования будут востребованы представителями различных групп интересов во внешней политике для

лучшего понимания сложившейся ситуации в отрасли и потенциальных вариантов ее развития. Также они могут быть применены в материалах учебных курсов высших учебных заведений по направлениям «Политология», «Зарубежное регионоведение», «Международные отношения».

На защиту выносятся следующие положения:

1. Многовекторная внешняя политика в базовом понимании представляет собой стратегию, направленную на одновременное развитие устойчивых и функционально значимых отношений с несколькими внешнеполитическими центрами силы, зачастую обладающими разными или даже конфликтующими интересами. В отличие от одновекторных или блоковых стратегий, многовекторность предполагает наличие сбалансированной, прагматичной и гибкой внешнеполитической линии, ориентированной на диверсификацию партнёрств и минимизацию зависимости от одного геополитического полюса. Многовекторность — это внешнеполитическая стратегия государства, предполагающая одновременное поддержание устойчивых партнёрских связей с несколькими разнородными акторами международных отношений на основе прагматического расчёта издержек и выгод, в отрыве от идеологической совместимости и блоковой лояльности.
2. Выделены следующие эмпирически наблюдаемые индикаторы, позволяющие зафиксировать наличие и степень выраженности многовекторности внешней политики: многосторонность внешнеполитических альянсов и партнёрств, диверсификация внешнеэкономических связей, риторическая и документальная артикуляция многовекторности, манёвренность в условиях внешнего давления, полицентричность дипломатической активности.
3. В среднесрочной перспективе можно ожидать заметного ослабления узбекско-российского сотрудничества не только в экономической, но и в политико-дипломатической сфере. Усиление конкуренции за влияние в

Центральной Азии со стороны Китая, США и ЕС в сочетании с целенаправленной стратегией Ташкента по диверсификации внешнеполитических и экономических связей ставит под вопрос сохранение доминирующих позиций России в отношениях с Узбекистаном. В этих условиях российско-узбекское взаимодействие рискует перейти из категории «стратегического» в категорию преимущественно прагматического и ограниченного по масштабу.

4. Автор предполагает, что Узбекистан будет наращивать сотрудничество со странами Центральной Азии, в особенности с Казахстаном. В перспективе политическое взаимодействие Узбекистана с государствами Центральной Азии будет усиливаться, несмотря на сохраняющиеся вызовы. Базовый сценарий предполагает сохранение стратегического курса на укрепление региональной сплочённости и многовекторности внешней политики. Узбекистан, как один из ведущих инициаторов интеграционных процессов в регионе, вероятно, продолжит играть ключевую роль в углублении сотрудничества с соседними странами, прежде всего с Казахстаном и Таджикистаном.
5. Внешнеполитическая стратегия Узбекистана ориентирована на сохранение стратегической автономии, что выражается в отказе от военно-политических альянсов и балансировании между интересами России, Китая и США. Такой курс можно интерпретировать как форму «страхования» (*hedging*) и «мягкого балансирования» (*soft balancing*), при которой государство минимизирует внешние зависимости, избегает жесткой привязки к одному центру силы и опирается на дипломатические, институциональные и экономические инструменты. В условиях нестабильности мирового порядка данный подход обеспечивает маневренность и становится институционализированной моделью внешнеполитического позиционирования Узбекистана.
6. В русскоязычном сегменте мессенджера Telegram, который представляет собой лишь часть медиапространства Узбекистана, наиболее часто

упоминаемыми внешними акторами выступают Россия и США. Количественный контент-анализ показал, что Россия занимает первое место по частоте упоминаний, а США находятся на втором. При этом данные результаты отражают специфику именно русскоязычного информационного поля Telegram и не могут рассматриваться как исчерпывающая характеристика всей медиасферы Узбекистана, где сохраняется значительная доля узбекоязычного контента и активное использование иных платформ.

Апробация результатов исследования. Основные идеи, тезисы и выводы автора отражены в 4 научных публикациях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных перечнем ВАК РФ, и в изданиях из перечня, рекомендованного Аттестационной комиссией РУДН⁷⁷.

Результаты исследования были апробированы на следующих научно-практических конференциях:

- II Московский политологический форум «Власть, общество, политика, управление в меняющемся мире» (Москва, 2024 г.);
- Международная научно-практическая конференция «Центральная Азия в современной мировой политике» (Ташкент, 2024 г.);
- Всероссийская научная конференция молодых учёных «Актуальные проблемы международных отношений и мировой политики» (Москва, 2025 г.).

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

---

⁷⁷ Стройков С. П. Анализ экосистемы политического Telegram-пространства Республики Узбекистан / С. П. Стройков // Вестник Поволжского института управления. – 2025. – Т. 25, № 1. С. 26-34. Велиев А. Р. Влияние узбекской диаспоры России на развитие бизнеса в Узбекистане и формирование его политики / А. Р. Велиев, С. А. Махина, С. П. Стройков // Постсоветские исследования. – 2024. – Т. 7, № 3. – С. 248-259. Стройков С. П. Особенности развития внешней политики Узбекистана в отношении Российской Федерации в постсоветский период / С.П. Стройков // Закон и власть. – 2024. – № 5. – С. 39-44. Стройков С. П. Итоги парламентских выборов 2024 г. в Узбекистане и модернизация электоральных процессов / С.П. Стройков // Право и политика. – 2025. – № 2. – С. 1-11.

Во введении обоснована актуальность темы диссертационного исследования, связанная с необходимостью глубокого изучения и понимания многовекторной внешней политики Узбекистана в условиях усиливающейся глобальной и региональной конкуренции. Сформулированы цель и задачи работы, обозначены объект и предмет исследования, определены методологические подходы, раскрыта научная новизна и практическая значимость полученных результатов, описана степень апробации и публикационной активности автора.

В первой главе «Теоретические аспекты концепции многовекторности в международных отношениях» проводится теоретико-методологический анализ многовекторности как специфической внешнеполитической стратегии, используемой государствами для балансирования своих интересов между различными внешними центрами силы.

В параграфе 1.1. «Основные подходы к определению концепции многовекторности в политической науке» обосновывается, что многовекторность сформировалась как рациональная стратегия государств, не обладающих ресурсами для доминирования: в рамках реалистической парадигмы она трактуется как гибридная модель между классическим балансированием и стратегическим примыканием, обеспечивающая автономию через диверсификацию внешних связей. Вместе с тем отказ от эксклюзивных союзных обязательств влечёт рост транзакционных издержек и блокирует формирование устойчивых альянсов — что превращает многовекторность не в самостоятельную теоретическую альтернативу, а в контекстуально обусловленную тактику, эффективность которой определяется текущей конфигурацией внешних структурных факторов.

В параграфе 1.2. «Реализация многовекторности в политике постсоветских государств на современном этапе» показано, что после распада СССР многовекторность стала основной формой адаптации новых

независимых государств к полицентричной среде: комбинирование интеграционных форматов, двусторонних партнёрств и мягкого балансирования позволяет снижать уязвимость перед доминирующими акторами, диверсифицировать связи и сохранять пространство манёвра между Россией, Китаем и Западом. Вместе с тем по мере роста межвеликодержавной конфронтации это пространство сужается: многовекторность сталкивается с требованиями политической определённости, влечёт рост транзакционных издержек и подрывает доверие партнёров — что придаёт ей преимущественно тактический, конъюнктурно зависимый характер.

Во второй главе «Особенности внешней политики и применения многовекторного подхода в международных отношениях Республики Узбекистан в постсоветский период» проводится комплексный анализ внешнеполитической деятельности Узбекистана. Структура главы отражает ключевые направления многовекторного курса государства в условиях динамичной международной конъюнктуры.

В параграфе 2.1. «Современный характер внешнеполитических отношений с Российской Федерацией» показано, что российский вектор внешней политики Узбекистана формируется не как союзничество и не как зависимость, а как «условное стратегическое партнёрство» — прагматичное взаимодействие в зонах совпадающих интересов, опирающееся на экономическую комплементарность и миграционные потоки, но намеренно исключая жёсткие военно-политические обязательства. Такая модель соответствует логике мягкого балансирования: Россия используется как ресурс развития при одновременном ограничении стратегической зависимости. Вместе с тем после 2022 года нарастание российско-западной конфронтации объективно сужает пространство нейтрального манёвра, превращая прагматичное партнёрство в объект внешнего давления и требуя от Ташкента постоянной переоценки баланса между экономической выгодой, политическими рисками и сохранением внешнеполитической автономии.

В параграфе 2.2. «Внешняя политика Узбекистана в Центральной Азии» показано, что региональное направление структурно отличается от взаимодействия с глобальными центрами силы: здесь Узбекистан реализует не балансирование асимметричных отношений, а курс на формирование устойчивой среды безопасности и экономического сотрудничества в непосредственном окружении. После 2016 года страна перешла от ограниченного регионального присутствия к активному двустороннему и многостороннему диалогу с соседями, опираясь на экономическую комплементарность, совпадение интересов в водно-энергетической и транспортной сферах и рассматривая Центральную Азию как базовый уровень многовекторной стратегии. Вместе с тем регион остаётся пространством пересечения интересов глобальных акторов, что ограничивает глубину институционализации и придаёт региональной политике Ташкента преимущественно двусторонний, проблемно-ориентированный характер.

В параграфе 2.3. «Внешняя политика Узбекистана в отношении Китая» показано, что китайское направление носит преимущественно прагматичный и проектно-ориентированный характер: в отличие от российского вектора, лишённого гуманитарного и исторического измерения, взаимодействие с КНР встроено в логику многовекторности как инструмент привлечения инвестиций и диверсификации внешнеэкономических связей в рамках инициативы «Один пояс — один путь». Преимуществом этого формата является высокая экономическая отдача при относительной политической нейтральности, снижающей риски геополитической вовлечённости. Вместе с тем усиление китайского присутствия сопровождается ростом асимметрии в инфраструктурных и кредитных проектах, что превращает китайский вектор в постоянный тест на устойчивость многовекторного курса: его эффективность определяется способностью Ташкента удерживать границу между экономическим партнёрством и структурной зависимостью.

В параграфе 2.4. «Афганское направление во внешней политике Узбекистана» показано, что данный вектор встроен в многовекторную стратегию не через логику диверсификации, а через логику безопасности: стабильность в Афганистане является для Ташкента критически важным условием предотвращения трансграничных угроз — экстремизма, наркотрафика и нелегальной миграции. Прагматизм и отказ от идеологизированных оценок позволяют поддерживать рабочие контакты с афганскими политическими силами вне зависимости от их международного статуса, а участие в инфраструктурных и гуманитарных проектах способствует снижению региональной нестабильности. Вместе с тем отсутствие устойчивых государственных институтов и неопределённость международного признания действующих властей ограничивают возможности долгосрочного планирования, превращая афганское направление в адаптивный элемент многовекторности, эффективность которого определяется способностью балансировать между прагматичным взаимодействием, требованиями безопасности и международной легитимностью.

В параграфе 2.5. «Внешняя политика Узбекистана по развитию отношений с Южной Кореей» показано, что корейский вектор представляет собой технологическое и модернизационное измерение многовекторной стратегии: в отличие от отношений с Россией и Китаем, он лишён проблематики безопасности и регионального доминирования и ориентирован на привлечение технологий, инвестиций и управленческих практик без политико-идеологической нагрузки. Низкая конфликтность и высокая прикладная эффективность делают это направление ценным инструментом диверсификации источников модернизации. Вместе с тем отсутствие у Сеула самостоятельного стратегического влияния в регионе ограничивает потенциал данного вектора вопросами экономики и технологий, не затрагивая стратегическую архитектуру внешней политики Узбекистана в целом.

В параграфе 2.6. «Узбекско-американские внешнеполитические отношения в условиях международной турбулентности» показано, что американский вектор выполняет в многовекторной стратегии Ташкента функцию диверсификации: сотрудничество развивается в функциональных сферах — экономике, образовании, институциональном развитии — без жёстких союзных обязательств, позволяя снижать концентрацию внешних связей вокруг одного геополитического полюса. Вместе с тем нарастание американо-российско-китайской конфронтации повышает давление на Ташкент в сторону большей политической определённости, привнося элементы условности во взаимодействие с Вашингтоном и увеличивая транзакционные издержки. В результате узбекско-американские отношения сохраняют прагматичный и ограниченно институционализированный характер, отражая стремление Узбекистана поддерживать западное направление без утраты автономии и без вовлечения в конфликты между глобальными акторами.

В третьей главе «Сценарии развития внешней политики Узбекистана в рамках концепции многовекторности» разработаны сценарные прогнозы среднесрочной перспективы, учитывающие внутренние и внешние факторы.

В параграфе 3.1. «Продолжение политики добрососедства и торгового обмена со странами Центральной Азии» показано, что данный сценарий строится на предпосылке региональной стабильности и опирается на экономическую взаимодополняемость и развитие транспортно-логистических коридоров как материальную основу сотрудничества: для Узбекистана углубление двусторонних форматов с соседями одновременно снижает внешнеполитические риски и усиливает переговорные позиции во взаимодействии с глобальными акторами. Вместе с тем отсутствие развитых наднациональных институтов, асимметрия экономического развития и конкуренция внешних акторов ограничивают глубину региональной координации — превращая данный сценарий в эволюционный, а не

интеграционный путь, устойчивость которого определяется способностью сторон сочетать кооперацию с сохранением внешнеполитической гибкости.

В параграфе 3.2. «Продолжение партнёрских отношений с Китаем при сохранении многовекторной политики» показано, что данный сценарий предполагает углубление экономических и инфраструктурных проектов с КНР при одновременном удержании политической дистанции: китайский вектор используется как источник роста и модернизации, не трансформируясь в форму институциональной зависимости и не нарушая баланса с другими партнёрами. Вместе с тем усиление экономического взаимодействия объективно сопровождается ростом долговой и технологической асимметрии, что в долгосрочной перспективе угрожает автономности внешнеполитического курса — превращая ключевой задачей Ташкента предотвращение институционального закрепления китайского доминирования в отдельных секторах и сохранение контроля над структурой внешних связей как условия устойчивости многовекторной модели в целом.

В параграфе 3.3. «Сохранение статуса-кво во взаимоотношениях с Российской Федерацией и США» показано, что данный сценарий строится на предпосылке сохраняющейся международной неопределённости: в условиях системной конкуренции великих держав Узбекистан поддерживает рабочие контакты с Россией и США, избегая шагов, способных быть интерпретированными как стратегический выбор стороны и влекущих рост внешнеполитических издержек. Такой подход минимизирует риски, однако одновременно ограничивает институциональную глубину обоих направлений и консервирует фрагментарность взаимодействия — фиксируя внешнеполитическое равновесие без создания импульсов для качественного обновления международного позиционирования. Устойчивость сценария определяется способностью Ташкента удерживать баланс интересов без утраты автономии в условиях продолжающейся конфронтации глобальных акторов.

В заключении обобщены основные результаты исследования и констатируется, что многовекторность является не ситуативной реакцией на внешние вызовы, а институционализированной стратегией внешнеполитического позиционирования Узбекистана, закреплённой в официальных доктринальных документах и подтверждённой преемственностью курса на протяжении всего постсоветского периода. Её устойчивость обеспечивается органичным сочетанием прагматизма, ограниченного нейтралитета и активной дипломатической маневренности, что отличает узбекскую модель от классического балансирования, сосредоточенного преимущественно на сфере безопасности.

В отличие от механического лавирования между центрами силы, многовекторность Узбекистана охватывает широкий спектр направлений — от инвестиционной политики и внешнеэкономических связей до гуманитарного сотрудничества и региональных форматов, — что позволяет адаптироваться к меняющейся международной конъюнктуре, минимизировать риски изоляции и предотвращать чрезмерную зависимость от единственного партнёра. Сформулированные рекомендации направлены на совершенствование механизмов корректировки внешнеполитической стратегии в соответствии с нарастающей геополитической турбулентностью.

III. ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные результаты диссертационного исследования нашли отражение в следующих работах автора, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных перечнем ВАК РФ, и в изданиях из перечня, рекомендованного Аттестационной комиссией РУДН:

1. Стройков, С.П. Влияние узбекской диаспоры России на развитие бизнеса в Узбекистане и формирование его политики / А.Р. Велиев, С.А. Махина, С.П. Стройков // Постсоветские исследования. – 2024. – Т. 7, № 3. – С. 248–259 (К2).

2. Стройков, С.П. Особенности развития внешней политики Узбекистана в отношении Российской Федерации в постсоветский период / С.П. Стройков // Закон и власть. – 2024. – № 5. – С. 39–44 (К3).
3. Стройков, С.П. Специфика экосистемы политического Telegram-пространства Республики Узбекистан / С.П. Стройков // Вестник Поволжского института управления. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 26–34 (К2).
4. Стройков, С.П. Итоги парламентских выборов 2024 г. в Узбекистане и модернизация электоральных процессов / С.П. Стройков // Право и политика. – 2025. – № 2. – С. 1–11 (К2).
5. Стройков, С.П. Сравнительный анализ реализации многовекторной политики в Узбекистане и Казахстане / С.П. Стройков // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 5. – С. 460–465 (К2).

Публикации соответствуют требованиям, установленным пунктом 14 "Положения о порядке присуждения учёных степеней", утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 21 марта 2023 г.).

Стройков Сергей Петрович

**МНОВЕКТОРНОСТЬ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ УЗБЕКИСТАНА
В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (2016–2025)**

Диссертация посвящена комплексному изучению реализации многовекторного подхода во внешней политике Республики Узбекистан в постсоветский период, охватывая временные рамки с 2016 по 2025 год. Автором проведён глубокий анализ эволюции внешнеполитических стратегий государства с акцентом на ключевых направлениях международного взаимодействия: двусторонних отношениях с Российской Федерацией, укреплении региональной интеграции со странами Центральной Азии, развитии стратегического партнёрства с Китаем, стабилизации ситуации в Афганистане, а также взаимодействии с Южной Кореей и Соединёнными Штатами Америки. Особое внимание уделено выявлению специфических черт и механизмов реализации многовекторной внешней политики, её роли в обеспечении национальной безопасности, расширении экономических возможностей и сохранении внешнеполитической автономии государства. В работе представлены сценарии дальнейшего развития многовекторного подхода с учётом меняющихся условий глобальной и региональной турбулентности.

Sergey Petrovich Stroykov

**MULTIVECTOR FOREIGN POLICY OF UZBEKISTAN IN THE POST-
SOVIET PERIOD (2016–2025)**

The dissertation comprehensively explores the implementation of the multivector approach in the foreign policy of the Republic of Uzbekistan during the post-Soviet period, covering the years 2016 through 2025. The author provides an in-depth analysis of the evolution of Uzbekistan's foreign policy strategies, emphasizing key areas of international interaction: bilateral relations with the Russian Federation, regional integration with Central Asian states, strategic partnership development with China, stabilization efforts in Afghanistan, and interactions with South Korea and the United States. Special attention is paid to identifying specific characteristics and mechanisms of implementing a multivector foreign policy, its role in ensuring national security, expanding economic opportunities, and maintaining foreign policy autonomy. The dissertation also presents scenarios for the future development of the multivector approach, considering the evolving conditions of global and regional turbulence.